

О «ТИРАНИИ ТРИДЦАТИ» В АФИНАХ

Акад. С. А. Жебелев

1. Теперь, когда подлинность седьмого письма Платона признаётся прочно установленною, не только можно, но и должно отнестись с подобающим вниманием к свидетельству Платона в этом письме о тирании Тридцати в Афинах¹. Во время этой тирании Платону было 23 года, и жил он тогда в Афинах. Седьмое письмо написано Платоном вскоре после смерти Диона (354/3). Таким образом, свидетельство Платона о тирании отделено от нее промежутком в 50 лет. Едва ли этому долгому сроку должно придавать значение и думать, что впечатления молодого Платона утратили свежесть в пору его старости. Старые люди помнят о событиях своей молодости лучше, чем они запоминают даже события переживаемого ими времени. К тому же, как мы увидим сейчас, тирания Тридцати произвела такое впечатление на Платона, что заставила его пойти по иному жизненному пути, чем тот, который предносился перед ним до тех пор. Наконец, и это—самое главное, свидетельство Платона о тирании Тридцати ни в чем не противоречит свидетельствам других наших источников о ней; оно дает некоторые интересные штрихи, заслуживающие быть отмеченными.

«В свое время,—пишет Платон (Ер. VII, 324 В—325 А),—во время моей молодости, я испытал то же, что испытывают многие. Я предполагал, лишь только стану сам себе господином, тотчас же обратиться к политической деятельности. И вот с какими превращениями судьбы в делах государственных столкнулся я. Так как многие бранили тогдашний государственный строй, то произошел переворот. Во главе происшедшего переворота стояли 51 человек в качестве правителей: одиннадцать в городе, десять в Пирее—каждая из этих коллегий ведала агорою и всем, чем надлежало управлять в (обоих) городах,—тридцать же стали самодержавно править всем. Некоторые из них приходились мне родственниками² либо были моими знакомыми. Они тотчас же стали приглашать меня к участию в подходящей якобы для меня деятельности. По своей молодости я не усматривал в этом ничего странного. Действительно, думал я, они будут управлять государством, приведя его с пути несправедного на путь праведный. Таким

¹ Это свидетельство послужило для Karsten'a («Commentatio critica de Platonis quae feruntur Epistolis, praecipue tertia, septima et octava». Utrecht, 1864) одним из аргументов, говорящих против подлинности седьмого письма. О доводах Карстена см. J. S o u i l h é, Platon. Oeuvres complètes, XIII, 1, Paris, 1926, XLXII сл. В более новое время лишь E d. M e u e r, Gesch. d. Altertums, V, 24, выписал свидетельство Платона, но не дал его анализа.

² Критий—двоюродный брат матери Платона; Хармид, один из 10 пирейских правителей,—дядя Платона с материнской стороны.

образом, я стал внимательно присматриваться к тому, что они будут делать. И вот увидел я, что Тридцать в течение короткого времени доказали, что прежний государственный строй был золотом¹. Между прочим, моего старого друга Сократа, человека, которого я, пожалуй, не постеснялся бы назвать самым справедливым из тогдашних людей, они хотели послать вместе с другими за одним из граждан, чтобы силою привести его и казнить и таким образом заставить Сократа, хочет он того или не хочет, участвовать в их деяниях. Но Сократ не послушался, подвергаясь опасности испытать все, прежде чем стать участником в незаконных их поступках². Наблюдая все это и еще многое другое в таком же роде, не менее важное, я пришел в возмущение и отвратился от царящего тогда зла. Немного спустя Тридцать пали, и с ними пал тогдашний государственный строй».

Тридцать «держали государство в своих руках, присоединив к себе десять правителей Пирея, одиннадцать стражей тюрьмы и триста биченосцев в качестве подсобников», свидетельствует Аристотель («Аф. пол.», 35, 1). И Платон говорит, что Тридцать были «самодержавными правителями всего», но он не отделяет от них *ἑνδεκά ἐν ἄστυ* и *δέκα ἐν Πειραιεῖ*. Новостью является точное обозначение круга деятельности обеих этих коллегий: *περὶ τὰ ἀγορᾶν ἑκάτεροι τούτων ὅσα τ' ἐν τοῖς ἄστυσι διοικεῖν ἔδει*. Тут прежде всего бросается в глаза, что Пирей приравнивается к Афинам и называется *ἄστυ*. Может быть, это обмолвка со стороны Платона. Но возможно, что Пирей, ввиду его исключительного значения, как торговый порт Афин, был выделен при Тридцати в особую административную единицу и временно считался *ἄστυ* (но не *πόλις*). Десять пирейских правителей представляют типичную декадархию, какие насаждал Лисандр в малоазийских городах. Так как во время переворота 404 г. Лисандр с флотом стоял в Пирее, то, вероятно, эти десять правителей поставлены были по его приказанию, о чем определенно говорится у Плутарха («Lys», 15: назначил десять правителей в Пирее).

Круг деятельности одиннадцати афинских правителей был, надо полагать, более обширен и сложен, чем обязанности *τῶν ἑνδεκά*, перечисляемые Аристотелем для нормального времени («Аф. пол.»; 52, 1). Они не были только «стражами тюрьмы», как говорится у Аристотеля (см. выше). На них, как и на десять пирейских правителей, возложено было поддержание общего порядка и внутренней безопасности в Афинах; возможно, что в руках одиннадцати и десяти был политический сыск, игравший столь важную роль при Тридцати; в критические моменты, как, например, при аресте Ферамена или, позднее, при определении благонадежности всадников, после удаления Тридцати в Элевсин, одиннадцать с их прислужниками выступают на главное место (X e n., *Hell.*, II, 3, 54 сл.)

Платон особо подчеркивает, что к области ведения одиннадцати и десяти относилась агора в Афинах и в Пирее. И это вполне понятно. Агора—центр политической жизни, привлекавший к себе народную толпу, за настроением которой Тридцать должны были зорко наблюдать, стремясь возможно дольше удержать власть в своих руках. Вместе с тем агора—рынок. При Тридцати продовольственный вопрос стоял очень остро: блокада Пирея, приведшая Афины к капитуляции и отдавшая их в руки Тридцати, только что кончилась, и хлеба в городе и других жизненных припасов было вряд ли в обилии³. Тридцать прекрасно понимали, какие инциденты могут возникнуть на почве голода или недоедания. И для них единственным выхо-

¹ По другому чтению: золотым.

² См. ниже стр. 29, прим.

³ Лисандр под страхом смертной казни запретил ввоз хлеба в Афины: *Isocr.*, XVIII, 61.

дом было взять заботу о продовольствовании населения в свои руки. Надзор за агорою как рынком поручен был ведению одиннадцати и десяти.

Все три коллегии—Тридцать, одиннадцать, десять—были так тесно спаяны в своей деятельности, что Платон имел полное основание говорить о правительстве 51, ставшем во главе переворота 404 г. И замечательно: когда гражданская война в Афинах прекратилась и когда была провозглашена амнистия, под нее все подошли, кроме Тридцати, одиннадцати и десяти (X e n., Hell., II, 4, 38). Аристотель («Аф. пол.», 39, 6), сообщая об этом, делает оговорку: если одиннадцать и десять представят отчет в своих действиях, амнистия может быть распространена и на них. Оговорка эта показывает, что афиняне умели различать «правительство» и «орудия правительства» и грехи первого не считали возможным и нужным обязательно считать также грехами и вторых¹.

¹ Эпизод с Сократом, о котором говорится в приведенной выше выписке из седьмого письма Платона, касается Леонта Саламинского. Об этом же эпизоде Платон упоминает и в «Апологии Сократа» (32 С), причем в «Апологии» Леонт определенно называется «саламинцем», и местом его жительства в 404 г. называется Саламин: доставить из Саламина Леонта саламинца. Точно так же и у Ксенофонта («Hell.», II, 3, 39) Ферамен в своей предсмертной речи называет Леонта «Саламинским». Между тем в седьмом письме Платон называет Леонта «гражданином», т. е. считает его афинянином. Удивляюсь, почему Эд. Мейер, отождествляющий Леонта Саламинского («Gesch. d. Altertums», V, 22) с афинским стратегом Леонтом, действовавшим в 412—406 гг. (см. K i r c h n e r, Prolog. att., 9100), не воспользовался в подтверждение своего мнения свидетельством письма Платона. Однако отождествление это вряд ли правильно, и его отвергает Swoboda (у P a u l y - W i s s o w a, RE, XII, 2007), опираясь на приведенное выше свидетельство «Апологии». Надо полагать, Платон, называя Леонта в письме «гражданином», допустил неточность, если только не считается с возможностью такого толкования, что Леонт вел свое происхождение от одного из старинных клерухов, поселившихся на Саламине, и потому не в прямом, конечно, смысле мог рассматриваться как афинский гражданин. Указание Платона о «гражданстве» Леонта опровергается, впрочем, дальнейшими словами Платона в том же письме. Говоря о процессе Сократа, Платон пишет (325 С): «одни привлекли его к суду как нечестивца, другие осудили его и казнили, так как он не пожелал тогда участвовать в незаконном приводе одного из бежавших тогда его друзей в то время, когда сами бежавшие были в бедственном положении». Howald («Die Briefe Platons», Zürich, 1923, 156), отвергая поправку Вилламовица-Меллендорфа, предлагающего вместо φίλων читать φίλων, замечает: «Wie kann er (Leon) nun aber auf Salamis, attischem Reichsboden, verhaftet werden, wenn er φεύγων ist. Trotz er der Verbannung und wähnt er sich in Salamis sicher? Ich weiss die Aporie nicht lösen». О правовом положении Саламина в отношении к Афинскому государству см. Ф. Ф. Соколова «Труды» (СПб, 1910), 412 сл. Саламин, как и другие клерухии, составлял особую общину, считался отдельным πόλις'ом, хотя и подчинен был афинянам. Ввиду близости Саламина к Афинам, вероятно, не один Леонт, а многие саламинцы нередко проживали в Афинах, но считались они не афинскими, а саламинскими гражданами. Как один из таковых, Леонт не может считаться эмигрантом. Но переворот 404 г. мог застать его проживающим в Афинах. Когда начались неистовства Тридцати и когда, по свидетельству Эфора (Diod., XIV, 5, 6), почти все зажиточные бежали из города, в числе таких лиц, искавших спасения в бегстве, мог оказаться и Леонт. Он рассчитывал, что, убежав на свою родину, Саламин, он будет в безопасности. Но он ошибся. Тридцать, которым прежде всего нужны были деньги, решили изъять его из его убежища, благо оно было под рукою, да еще стояло в подчиненном положении к Афинам. И все-таки Сократ был прав не только морально, но и юридически, когда он отказался исполнить приказание правительства—доставить силою Леонта из Саламина в Афины: это означало бы нарушение суверенитета Саламина как отдельного πόλις'а. «Апория» исчезнет при небольшой поправке: ἐν τῷ τότε φυγόντων φίλων (в числе φίλων Сократа были далеко не одни афиняне) и при таком понимании всей выдержки из письма Платона: «Одни привлекли (Сократа) к суду как нечестивца, другие осудили и казнили того, кто не захотел участвовать в незаконном приводе (тогда после τὸν считаю интерполяцией) одного из убежавших тогда (из Афин) своих друзей (и это в то время), когда сами (афинские) эмигранты находились в несчастье». Не забудем: Сократа осудила афинская демократия, восстановленная при ближайшем содействии эмигрантов. Напоминание о благородном поступке Сократа в отношении искавшего спасения в бегстве несчастного Леонта, в то время когда сами эмигранты были несчастны, содержит в себе горький упрек Платона по адресу последних.

2. Как правительство олигархической партии Тридцать должны были принять меры к тому, чтобы создать такой правительственный аппарат, который был бы послушным орудием в их руках. Так как избрание Тридцати состоялось под лозунгом возвращения к *πάτριος πολιτεία* (А р и с т., Аф. пол., 34, 3; Х е н., *Hell.*, II, 3, 2, 11), то, понятно, нужно было при создании правительственного аппарата позаботиться о кажущемся сохранении традиционных его учреждений, но самые эти учреждения организовывать так, чтобы они были приспособлены к характеру установившейся в Афинах власти.

«Став господами государства, Тридцать... назначили 500 членов совета и остальных должностных лиц из предварительно избранных (кандидатов), именно из тысячи» (Arist., Аф. пол., 35, 1). *Ἐκ προκρίτων ἐκ τῶν χιλίων* — чтение папируса, не требующее никаких изменений (они сопоставлены во 2-м издании трактата Sandys'a). При партийном характере правительства последнее было заинтересовано в том, чтобы административные органы были представлены людьми партии. Уже до утверждения господства Тридцати состав совета был олигархическим (L y s., XIII, 20); большинство членов «до Тридцати» вошло и в состав совета «при Тридцати». Остальные 500 «из числа тысячи» пошли на замещение всякого рода должностей, количество которых не было; вероятно, сокращено, так как Тридцать, на первых по крайней мере порах, стремились сохранить видимость демократической конституции.

Но вскоре же между умеренным (Ферамен) и крайним (Критий) крылом правительства Тридцати произошел раскол. Ферамен стал убеждать своих товарищей привлечь к управлению государством «наилучших» из граждан. Оппозиция сначала сопротивлялась. Но когда слухи о раздорах между правителями стали распространяться в народе, причем большая часть его была, конечно, на стороне Ферамена, «крайние» испугались, как бы Ферамен, опираясь на своих сторонников, не ниспроверг их неограниченной власти, и вот они «составляют список трех тысяч граждан с намерением предоставить им участие в управлении» — *καταλέγουσιν τῶν πολιτῶν τρισχιλίους ὡς μεταδώσοιτες τῆς πολιτείας* (А р и с т., Аф. пол., 36, 1). Так стоит теперь во всех изданиях «Политии». Между тем, папирус дает *δισχιλίους*, и это чтение, думается мне, должно быть удержано.

В подтверждение необходимости поправки ссылаются на встречающееся дважды в той же главе «Политии» чтение *τρисχιλίοι*, и там оно совершенно уместно. Присмотримся, однако, к тексту 36-й главы «Политии» ближе.

«Крайние» составляют список 3000 граждан, которые должны принимать участие в управлении. Но 1000 была привлечена уже ранее до раскола в правительстве: 500 членов совета и 500 должностных лиц. Нельзя же было их удалить при составлении списка 3000. Кенион в первом издании трактата был совершенно прав, когда он объяснял чтение папируса *δισχιλίους* указанием на то, что Тридцать к первоначальной цифре 1000 граждан хотели прибавить еще 2000. Потом Кенион отказался от первоначальной мысли и в «Supplementum» к изданию Аристотеля Берлинской Академии наук (1903 г.), отмечая в критическом аппарате чтение папируса *δισχιλίους*, прибавляет: *sed cf. I, 23*. Там указывается, что Ферамен, опровергая «крайних», между прочим, говорил: желая приобщить к власти порядочных людей, вы допускаете до нее только 3000, как будто «добродетель» только и ограничена этим числом¹. Если бы список 3000 предполагалось составить без учета прежней 1000, Ферамен должен был

¹ Ксенофонт («*Hell.*», 3, 18—19) излагает то же, что и Аристотель: очевидно, оба они пользуются одним и тем же источником. Слова Ксенофонта: «избирают 3000, которые должны были участвовать в управлении» чтению *δισχιλίους* у Аристотеля не могут противоречить, так как в 3000 Ксенофонта входит и 1000 ранее намеченных;

бы настаивать, по крайней мере, на цифре в 4000, так как первая тысяча привлечена была к участию в управлении с согласия Ферамена.

Но, мне кажется, чтение папируса *δισχιλίους* можно защитить более вескими доводами.

Известно, что до утверждения Тридцати военные, оказавшиеся наиболее энергичными защитниками демократического строя,—стратеги и таксиархи—сплотились с целью противодействовать заключению мира со Спартой. Заговор их был по доносу открыт, и заговорщики арестованы. Судили их, однако, после утверждения Тридцати. В речи Лисия против Агората (XIII, 35) мы читаем: «Когда Тридцать были назначены, они тотчас же устроили суд над этими лицами в совете, народ же в дикастерии, в числе 2000, вынес постановление»—*ὁ δὲ δῆμος ἐν τῷ δικαστηρίῳ ἐν δισχιλίοις ἐψήφιστο* (поправка Набера вместо рукоп. *ἐψήφισατο*). Комментаторы Лисия неправильно толкуют эти слова¹. Стратегов и таксиархов судили не гелиасты: Тридцать в начале своего господства сократили судебную власть дикастериив, а потом и совершенно отменили их, передав все судебные функции совету. Это видно и из приведенных слов Лисия (*κρίσιν... ἐποίουν ἐν τῇ βουλῇ*), а еще яснее из дальнейших (§ 36): *εἰ μὲν οὖν ἐν τῷ δικαστηρίῳ ἐκρίνοντο, ῥαδίως ἂν ἐσώζοντο... νῦν δ' εἰς τὴν βουλὴν αὐτοὺς τὴν ἐπὶ τῶν τριάκοντα εἰσάγουσιν* (описание процедуры суда следует далее: § 36—38). Как же понимать в таком случае слова: *ὁ δὲ δῆμος ἐν τῷ δικαστηρίῳ ἐν δισχιλίοις ἐψήφιστο*? Подсудимые были осуждены открытою подачею голосов в совете. Очевидно, однако, вынесенный приговор должен был быть утвержден постановлением народного собрания. Только так можно понять слова *ὁ δὲ δῆμος ἐψήφιστο*, за которыми стоит: *καὶ μοι ἀνάγνωθι τὸ ψήφισμα* (далее следовал текст самой псефизмы). Слова *ἐν τῷ δικαστηρίῳ* указывают не на то, что судили стратегов и таксиархов в дикастерии, а на то, что народное собрание происходило в одном из дикастериив, в помещении одной из судебных палат. Точного числа их мы не знаем; зато известно, что дикастерии были огорожены и запирались решетчатою дверью (J. H. Lipsius, *Das attische Recht und Rechtsverfahren*, I, Lpz., 1905, 168 сл., 173 сл.); иными словами, это были закрытые помещения, доступ в которые не для всех и каждого был свободен. Устройство народного собрания не на Пниксе, как это обыкновенно практиковалось в V в., а в одном из дикастериив—одна из мер предосторожности со стороны Тридцати против могущих произойти эксцессов при разбирательстве процесса стратегов и таксиархов, предосторожность вполне понятная со стороны Тридцати.

Итак, народное собрание происходило в дикастерии, что было необычным явлением и что поэтому отмечено Лисием, взявшим это из псефизмы. Оно было в составе 2000, *ἐν δισχιλίοις*, что также было необычно и что также отмечено и в псефизме и у Лисия. *Ἐν δισχιλίοις* последнего вполне подтверждает *δισχιλίους* Аристотеля. Я представляю себе дело так: когда составлен был список 3000, в него вошла первая тысяча *ἐκ про-*

о них Ксенофонт ничего не говорит, замечая («Hell.» II, 3, 11), что членов совета и прочие *ἀρχαί* Тридцать «назначили по своему усмотрению».

¹ R a u c h e n s t e i n — F u h r: ohne Zweifel Worte des Volksbeschlusses 2000 Heliasten, weil die grosse Zahl für Unparteilichkeit gewährt gab. F r o h b e r g e r — T h a l h e i m: wohl eine Anführung aus dem Psephisma. *ἐν τῷ δικαστηρίῳ* betont den gesetzlichen Heliastengerichtshof gegenüber der ungesetzlich richtenden Bule, *ἐν δισχιλίοις* die hoch gegriffene Zahl der Geschworenen, wodurch eine Beeinflussung erschwert werden sollte. Die Artikel vor *δικαστηρίῳ* bezeichnet nicht einen bestimmten Gerichtshof, sondern allgemein die richtende Körperschaft gegenüber der beratenden. В этих толкованиях правильно только одно указание: слова *ἐν τῷ δικαστηρίῳ ἐν δισχιλίοις* взяты из декрета. L. G e r n e t и M. B i z o s, *Lysias Discours*, I (Paris, 1924) также понимают под *δικαστήριον ἐν δισχιλίοις* «трибунал в 2000 членов». H. H o m m e l, *Heliastai* («Philologus», Supplementbd. XIX, H. II), Lpz., 1927, 96, тоже полагает, что у Лисия идет речь о суде в гелиее.

κρίτων ἐκ τῶν χιλίων—500 членов совета и 500 должностных лиц. Остальные 2000 должны были представлять собою δῆμος, т. е. народное собрание. Не стоит говорить, что это «народное собрание» было послушной игрушкой в руках Тридцати, но оно создавало иллюзию, что в Афинах осуществляется столь желанная *πάτριος πολιτεία*¹.

Аристотель («Аф. пол.», 36, 2) говорит, что Тридцать долго откладывали опубликование списка, а когда решили, наконец, опубликовать его, то одних лиц из состава его стали вычеркивать, других «со стороны» (ἐξωθεν, т. е., очевидно, лиц, не принадлежавших ранее к гражданам) вносить. В конце концов список был опубликован (X e n., Hell., II, 3, 20)². Это произошло до расправы Крития над Фераменом, так как Критий вычеркивает Ферамена из списка, прежде чем отдать его в распоряжение одиннадцати (X e n., Hell., II, 3, 51—52). Процесс стратегов и таксиархов был, по словам Лисия, εὐθέως после утверждения во власти Тридцати,— до или после расправы с Фераменом, решить нельзя. Дело разбиралось в совете; там же вынесен был и приговор, который получил затем санкцию ἐν τῷ δικαστηρίῳ ἐν διαχιλίοις. Стратеги и таксиархи были, конечно, ἐξω τοῦ κατάλογου, и их могли приговорить к смерти Тридцать (ср. X e n., Hell., II, 31, 51; А р и с т., Аф. пол., 37, 1). Однако дело о стратегах и таксиархах началось до утверждения правительства Тридцати, в последние дни афинского демократического строя. Это, а также и то, что процесс стратегов и таксиархов принадлежал к числу процессов «громких», побудило Тридцать применить, для видимости, конечно, обычный принцип афинской демократии: ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ.

3. Принято думать (ср., например, В. П. Бузескул, История афинской демократии. СПб, 1909, 360), что прозвание Тридцати «тиранами» утвердилось в литературе со времени Цицерона («Ad Att.», VIII, 2, 4). Это неверно. Уже Аристотель («Rhet.», 24, 1401a, 34), говоря о различных топах, которыми можно пользоваться для кажущихся энтимем, ссылается на Поликрата, автора, между прочим, обвинительного памфлета против Сократа (памфлет написан ок. 390 г.): *πάλιν τὸ Πολυκράτους εἰς Θρασύβουλον, ὅτι τριάκοντα τυράννους κατέλυσε*. Зауппе («Orat. att.», II, Turici, 1850, 221) правильно предполагал, что Поликрат первый назвал Тридцать тиранами. Таким образом, оказывается, позорное прозвище укоренилось за Тридцатью вскоре же после их низвержения.

У Ксенофонта («Hell.», II, 3, 16) Критий говорит Ферамену—еще до происхождения размовки между ними: ты найвен, если думаешь, что мы, так как нас Тридцать, а не один, должны не так сильно заботиться об этой (т. е. достигнутой нами) власти как о тирании—ὡσπερ τυραννίδος ταύτης τῆς ἀρχῆς χρῆναι ἐπιμελεῖσθαι. Фраза получается не совсем складная, почему Г. Герман и предлагал вставить перед ὡσπερ ἢ (что принято О. Келлером), т. е. мы должны заботиться о сохранении нашей власти так же, как заботится о сохранении своей власти тиран. Но Тридцать

¹ Виламовиц Мёллендорф в одной из своих работ заметил, что отстоять рукописное предание куда важнее, чем предложить самую блестящую поправку к нему. Я и попробовал сделать это для драгоценного папируса, сохранившего нам «Афинскую политику».

² Кроме списка 3000 был еще список «подозрительных» (В l a s s, Die att. Beredsamkeit², II, 201), который у Исократы (XVIII, 16; XXI, 2) носит «загадочное» (E d. M e u e r, Gesch. d. Altertums, V, 24) название ὁ μετὰ Λυσάνδρου κατάλογος. Загадочность названия объяснится, если предположить, что составление списка происходило не без одобрения Лисандра, игравшего такую роль при утверждении Тридцати, опиравшихся во все время своего правления на Спарту (вспомним хотя бы спартанский гарнизон на акрополе). Конечно, название ὁ μετὰ Λυσάνδρου κατάλογος не было официальным, а употреблялось в обиходе.

были далеки от того, чтобы сопоставлять свою власть с тиранией, и тот же Ксенофонт несколькими строками ниже приведенных слов говорит Ферамену: если не привлечь к участию в управлении достаточное количество лиц, невозможно будет сохранять долее олигархию («Hell.», II, 3, 17). Поэтому, может быть, прав был Якобс, предлагавший считать слова *ῥοπέρ ταραννίδος* вставку (она могла возникнуть из сопоставления *τριάκοντα* и *εἷς*).

Во влагаемой Ксенофонтом в уста Ферамена речи во время заседания совета, когда решена была участь Ферамена, последний, между прочим, говорит: «Я являюсь постоянно противником тех, которые думают, что олигархический строй не может быть прекрасным до тех пор, пока они не доведут государство до положения тиранического государства, управляемого немногими» («Hell.», II, 3, 48), и далее: «Если ты, Критий, можешь сказать, что я со сторонниками ли демократии, или со сторонниками тирании пытался когда-либо лишить честных (*καλοῦς τε καγαθοῦς*) людей гражданских прав, то говори это». Разногласие между Критием и Фераменом происходило, главным образом, на той почве, что первый пытался превратить олигархию в тиранию, т. е. во власть деспотическую (ср. *Arist., Polit., IV, 8, 2*), опирающуюся на произвол, второй же стремился оставаться на основах олигархии, опирающейся на закон. Поэтому Ксенофонт и говорит, что после смерти Ферамена Тридцать получили возможность *ταραννεῖν ἄδελῶς* («Hell.», II, 4, 1), т. е. поступать самовольно, как поступают тираны, не считаясь совершенно с законом, дойдя даже до запрещения показываться в Афины всем, не попавшим в список 3000.

Как бы то ни было, самого прозвища «тираны» в применении к Тридцати у Ксенофонта нет. Но что оно стало применяться уже вскоре после низвержения их власти, показывают не только приведенные выше слова Поликрата, но и неоднократные указания Эфора, поскольку мы можем судить о том по изложению Диодора (XIV, 2, 1; 3, 7; 5, 6). Хотя труд Эфора в окончательном виде был издан после 330 г., однако отдельные его части, как полагал А. Гутшмид («*Kl. Schr.*», V, 214 сл.), стали появляться уже до 360 г.

Платон называет правление Тридцати олигархией («*Apol.*», 32С). Аристотель, перечисляя в 41-й главе «Афинской политики» бывшие в афинском государственном строе *μεταβολαί*, говорит: *δεκάτη δ' ἡ τῶν τριάκοντα καὶ ἡ τῶν δέκα ταραννίς*, но в 53-й главе называет правление Тридцати *ἡ ἐπὶ τῶν τριάκοντα ὀλιγαρχία*. Последнее обозначение, с правовой точки зрения, единственно правильное. Ибо Тридцать не были узурпаторами власти; они были «избраны» (*Xen., Hell., II, 3, 11*), или, как правильнее выражается Аристотель («*Аф. пол.*», 34, 3), «народное собрание было вынуждено избрать хиротонией олигархию» Тридцати¹. Название «Тридцать тиранов», «тирания Тридцати» ведет свое происхождение из житейского обихода и является олицетворением образа действий Тридцати.

¹ Предположение Р. Х; Лепера (ЖМНП, май 1896, стр. 90 сл.), что Тридцать избраны были от каждой из 30 третей Аттики, принятое Кирхнером («*Prosopographia Attica*») и разделяемое Гиллером фон Гертрингеном (IG, I ed. minor, fasti Attici), представляется мне очень гадательным, не только противоречащим, как это отмечает и Р. Х. Лепер, показанию Лисия (XII, 76), но и затрудняющим понимание слов его: *ὡςτε πρότερον ἤδεσαν τὰ μέλλοντα ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ παραγγεῖναι*. Ведь десять «от народа» должны были быть избраны не из числа прочих граждан, но *ἐκ τῶν παρόντων* того народного собрания, на котором состоялись выборы. Предположение Р. Х. Лепера может быть принято лишь в том случае, если допустить, что в предложении Драконтида афиднейца не только заключалось указание на предстоящую форму правления, но и содержался список лиц, которые предлагались к избранию в состав Тридцати. Мне представляется более вероятной мысль, что на установление числа Тридцати олигархов повлияла аналогия столь близкой их уму и сердцу Спарты с ее герусиею в составе также 30 членом, тем более, что самое установление правительства Тридцати произошло под давлением Лисандра.